

Николай Александрович Дымов — старейший актер, живущий в нашем городе. Пятьдесят лет он отдавал театру, создал за эти годы целую галерею замечательных сценических образов. В каких только театрах не пришлось работать Дымову! Начав свою деятельность в дореволюционном театре, Николай Александрович работал и в Ленинграде, и в Казани, и в Фергане, и во многих других городах страны.

С 1954 года Н. А. Дымов выступал на сцене Калининградского драматического театра.

Публикуемые отрывки взяты из книги Н. А. Дымова «Полвека на сцене», над которой он сейчас работает. Предлагаемая читателю глава переносит нас в дореволюционную Казань, рассказывает о тех днях, когда Николай Александрович был гимназистом.

В Казани, на Театральной площади, напротив Дворянского собрания — старинного дома с колоннами, высится здание городского театра, освещенное газовыми рожками. В нем царствует арендатор — антрепренер М. М. Бородай (псевдоним, настоящая фамилия — Бородуля). Раньше, по рассказам, он снимал в аренду буфет и платную вешалку в театрах. За эти выгодные предприятия арендаторы вносили антрепренерам, которые снимали театры, большие залог: А антрепренеры, в свою очередь, эти залог пускали в оборот: организовывали «театральное дело», рассылая на них авансы законтрактованным актерам и актрисам. Доходы с продажи спиртных напитков в буфете с разнообразными горячими и холодными закусками и с платы на вешалках за «хранение верхнего платья», конечно, с лихвой окупали затраты арендаторов. На этот раз Бородай сдал здание театра «благотворительному обществу покровительства животных» (существовало и такое «сердобольное общество»). Оно устраивало спектакль-концерт на усиление своего фонда, и часть сбора за вычетом предварительных расходов грозило выделиться в пользу погорельцев деревни Малые Дербышки. Через много лет я случайно, в разговоре с одним казанским старожилом, узнал, что в обществе этом, после вечера, произошел скандал: ни одна копейка не поступила с него в фонд на погорельцев. Предварительные расходы съели огромный по тому времени сбор, а главный организа-

# ПОЛВЕКА НА СЦЕНЕ

тор немалую толику положил в собственный карман. На такие благотворительные вечера дорогие билеты, намного дней заранее, развозились по домам дамами из «высшего общества» именитым гражданам и всем богатым домовладельцам, дворянам, купцам и т. п. Билеты подешевле распространялись чинами полиции лавочникам и прочему «мелкому люду», причем в такой форме (без всяких разговоров и отказов — бери и все тут), что их... «расхватавали вразупуск».

Наконец, началось второе отделение под громким названием «У нас в гостях». Сначала выступила известная исполнительница старинных цыганских романсов и пляски, — тоже любительница, жена одного из чиновников особых поручений при губернаторе, худая, жгучая брюнетка с бриллиантовыми серьгами в ушах. Ей сильно хлопали, больше по обязанности, по рангу в обществе и знакомству. Хлопали и скрипачу, местному помещику Ахиллесе Паневу. Затем на сцену вышел молодой стройный блондин во фраке и начал читать стихотворение «Дележ» Ф. Коппе, в переводе Лихачева. Зритель насторожился. У исполнителя, помимо хороших внешних данных, чудесного тембра голоса, была такая искренность в передаче, что он заставил притихнуть зрительный зал, и публика по окончании стихотворения разразилась шумными аплодисментами, а после неоднократно биссирования, устроила ему овацию. В «кукушке» — так называлась ложа около сцены, на самом верхнем ярусе, наравне с галеркой, — перевесившись через барьер ложи, иначе можно было увидеть только ноги исполнителей, затаив дыхание смотрел на блондина во фраке — вчерашний «Хлестаков из классической гимназии». Так, великий Гоголь, и «блондин во фраке» решили мою участь, не подозревая о моем существовании. Я изменил гимнастике и дал себе клятву быть только артистом, таким, как «он». Кто же был этот околдовавший меня волшебник? — Никто иной, как Василий Иванович Качалов, украшение и гордость не только МХАТа, но и художник с мировым именем, — народный артист СССР.

После моей клятвы отдать свою

жизнь театру, гимназическая моя жизнь потекла по другому руслу. Учиться стал я хуже. Мать надеялась, что я закончу гимназию с золотой медалью, так как первые три года я был круглым пятерочником, но в шестом уже «зазимовал», то есть остался на второй год. Погубил меня лютый враг Иванов. Я хорошо его имитировал, часто демонстрировал свое искусство, а он незаметно подкрался и подглядел, и так же незаметно ушел, провалив меня осенью на переэкзаменовке. Он прошипел мне: «Это, дружок, вам не обезьянство с учителей, а экзамен!».

И днем, и ночью я грезил о театре, став в гимназии яростным агитатором и пропагандистом. После смерти отца, которого я совсем уже и не помню, да и в детстве смутно о нем помнил, мы переехали в Казань на Большую Лядскую улицу в дом владельца кирпичного завода Ширшова. Квартира в тот год у нас состояла еще из четырех комнат, причем гостиная соединялась аркой с маленькой комнатой, в которых мы с братом Петром (погиб в Ленинграде в 1942 году во время осады) организовали домашний театр. Устроили занавеску из двух шитых простыней, разделив ею «сцену и партер». Сцена (на полу) получилась крохотная, но нас это не смущало, так как «состав труппы» был небольшой: я и брат. Для начала мы выбрали сцену встречи Геннадия Несчастливцева с Аркадием Счастливым («Лес» А. Островского, 2-е действие), причем я — «Лапша-Вермишелев» отвоёвал себе Геннадия, а брата уговорил сыграть Аркашу. Брат ростом вышел в отца и был в сравнении со мной великаном. Уговорил я его путем взятки: отдал ему редкую австралийскую почтовую марку, изменив теперь и филателию.

Партер на «премьере» был заполнен: нянькой, покинувшей нас (ей было тогда уже за девяносто) только тогда, когда матери удалось ее устроить в богадельню, кухарки, ее кума — пожарного, мальчишек со двора и почетных гостей: артистов из «Рези-зора», в лице купцов без слов, унтер-офицеры и слесари. Конечно, я был очень нелеп в роли «трагика» с дорево-

ло писклявым голоском, а бра-тишка, от природы меланхолик, в Аркашке наводил тоску-печаль, но у невзыскательной аудитории мы прошли с помпой. Когда мы, радостные, возбужденные, ложились спать, нянька, наш главный критик, все же сказала нам: «И ты, Коленька, и ты, Петенька, обои, ничего разговаривали, по-смышно, но как я, дура старая, думаю, что вышло бы у вас получше, ежели бы наоборот».

Благодаря Хлестакову, я среди любителей стал пользоваться некоторой известностью, и они охотно приглашали меня на роли несовершеннолетних, так как я, как «недомерок», мог изображать чуть ли не грудных младенцев. Участвовал под разными псевдонимами, чтобы не пронохало начальство, и старался делать грим «до неузнаваемости». Гримировал меня парикмахер К. Домогиров, сам любитель с большим стажем.

Когда я поступил в гимназию, директором ее был предшественник Десницкого, тайный советник А. А. Имшенник (ему моментально дали кличку в рифму «мошенник»). Это был, перефразируя слова А. С. Грибоедова, «большой оригинал, но и с оттенком злобы». На пальцах и правой и левой руки у него было по несколько золотых колец и перстней с камнями. Он постукивал ими друг о друга, причем, почти к каждому слову прибавлял «именно» или «следовательно», почему-то с ударением на последнем слоге.

Он страдал хронической жаждой и во время урока часто пил воду. Из классной двери он кричал на весь коридор, не обращая внимания на то, что в соседних классах тоже идут уроки: «Коптев! (был такой сторож, добродушный, веселый человек, не дурак выпить). Стакан, именно! Холодной воды!». В конце коридора, за его углом стоял у окна большой ларь, в котором лежала всякая рухлядь: половые тряпки, щетки, ящик с мелками для классных досок и т. д. На табуретке находился питьевой бак с медной кружкой на цепочке, на окне — директорский стакан на подносышке, к которому строжайше было запрещено прикасаться, но иногда в нем сидела предательская муха с обворванными крылышками

и ножками — проделка гимназистов, которую Коптев, обычно дремавший на этом ларе или в другом конце коридора, иногда и не замечал. Коптев вскакивал и влетал в класс со стаканом воды (зачастую сам «под мухой») и со словами: «Извольте откушать, ваше высокопревосходительство», почтительно преподносил воду. Пользуясь свободной минутой, когда Коптев был где-то в другом месте, я из-за угла кричал: «Коптев! Именно! Стакан холодной воды!», и залезал в ларь.

Коптев врывался в класс со стереотипной фразой: «Извольте откушать, ваше высокопревосходительство!». Имшенник, уже «откушавший» только что воду, сердито бросал ему: «Я не звал тебя, болван! Следовательно! Пошел вон!» — Коптев с удивлением исчезал. Через две-три минуты снова раздавался мой голос: «Коптев!!! Именно! Стакан воды!». Коптев опять влетал с водой, и Имшенников, не стеснясь в выражениях, гнал его вон. Гимназисты, зная в чем дело, злорадно хихикали. Несколько дней искали виновника этой проделки, но я моментально закрывался в ларе и оставался для начальства и самого Коптева «человеком-невидимкой». А Коптев, когда директор действительно звал его, почувствовав жажду, не шел, а бежал по коридору, отыскивая — кто его разыгрывает. Тогда Имшенник, прерывая урок, находил его, крича по всему коридору: «Ого, лох, тетеря, или пьян? Стакан воды!!!». Боясь быть пойманным, я прекратил на несколько дней свои проделки, но как-то не выдержал, крикнул, завернул за угол, чтобы спрятаться и... угодил головой прямо в живот инспектору, который подкараулил меня. Всю большую перемену (перерыв между уроками на полчаса для завтрака) я простоял в углу под часами, — самое позорное наказание для самолюбия и получил четверку за поведение в последней четверть.

После решения «стать актером», я бросил «каверзные проделки», бросил все игры, даже любимое занятие: ужение рыбы на речушке Казанке (в наши дни она скоро станет усилиями советских людей большой судоходной речкой). В свободное время, думая о своей будущей профессии, по интуиции стал наблюдать за взрослыми, за их разговорами, поведением, но не из простого детского любопытства, а чтобы изображать все подмеченное на сцене.